

Семантика образа Патриарших прудов в русской литературе последней трети XIX — начала XXI вв.: направление эволюции

В статье рассматривается семантика образа Патриарших прудов, прослеживается направление эволюции этого образа в русской литературе последней трети XIX — начала XXI вв. Большое внимание уделяется роли романа М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита», а также «булгаковского мифа» в формировании образа Патриарших прудов в современной литературе. Также исследуется воздействие традиции изображения Патриарших прудов в русской литературе последней трети XIX и рубежа XIX — XX вв. на произведения авторов конца XX — начала XXI вв. В статье ставится вопрос о специфике функционирования «чужого» слова в художественном тексте.

This article illustrates the semantics of the image of the Patriarch ponds, focusing on the evolution of this image in modern literature. The work is devoted to the study of the influence that the tradition of depicting the Patriarch ponds in Russian literature in the last third of the XIX — beginning of the XXI century had on the works of authors at the end of XX — beginning of the XXI century. The article questions the specific function of the “foreign” word in the literary text.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА И ФРАЗЫ: образ Патриарших прудов, семантика, традиция, влияние, «булгаковский миф», подтекст, аллюзия, мотив, тема, универсалия.

KEYWORDS AND PHRASES: the image of the Patriarch ponds; semantics; tradition; influence; “The Bulgakov’s myth”; implication; allusion; motive; topic; universal.

Сейчас образ Патриарших прудов в сознании большинства людей ассоциируется с романом М. Булгакова «Мастер и Маргарита»: кто-то является поклонником романа, кто-то

подпал под влияние массмедиа (см.: информация о «булгаковских праздниках» на Патриарших, почти обязательная съемка на Патриарших прудах в сюжетах о М. Булгакове и пр.). Однако очевидно, что так было не всегда. Мы поставили своей целью хотя бы схематично проследить эволюцию этого образа в русской литературе указанного периода.

Изначально для нас важны следующие моменты.

1. Патриаршие пруды возникли на месте Козьего болота, а болота издавна считаются местом пребывания нечисти¹. Это мифологическая составляющая образа.

2. В XVII в. здесь была слобода, принадлежавшая патриарху Филарету. От вырытых в 1683–1684 гг. патриархом Иоакимом трех прудов сейчас остался лишь один. Таким образом, как отметили, в частности, Г. Лесскис и К. Атарова, «в самой топонимике сочетаются темы Господа и дьявола (Патриаршие пруды — Козье болото)»².

3. После войны 1812 г. у Патриарших прудов поселился поэт Иван Дмитриев. Он прожил там 20 лет, его гостями были Н. М. Карамзин, В. А. Жуковский, А. С. Пушкин, Н. В. Гоголь, Е. А. Баратынский. Известно, что на Патриаршие пруды, где был популярный в Москве каток, привозил кататься на коньках своих дочерей Л. Н. Толстой. По аллеям Патриарших прудов любил прогуливаться и А. Н. Толстой³.

4. В основном вокруг Патриарших прудов преобладают дома старой московской застройки. «Ермолаевский переулок начинается от старинной усадьбы (дом № 1), 2-этажный корпус которой расположен во дворе торцом к линии улицы. Он был построен, возможно, еще в XVIII в. В 20–30-х гг. XIX в. усадьба принадлежала князю А. М. Урусову, у которого в 1827 г. часто бывал А. С. Пушкин»⁴. В начале 1900-х — 1910-х гг. поблизости были построены дома архитекторами О. Г. Пиотровичем, А. Н. Кардо-Сысоевым, Э. К. Нирнзее и др.⁵.

5. В 1921–1924 гг. недалеко от Патриарших прудов (на ул. Садовой, д. 10) жил М. Булгаков⁶. В романе «Мастер и Маргарита» дом 10 трансформировался в дом № 302-бис. Действие романа начинается на Патриарших прудах. В Малом Козихинском переулке жил приятель Булгакова адвокат В. Е. Коморский. Здесь в начале 1920-х гг. часто бывали Ю. Олеша, И. Ильф, В. Катаев, М. Булгаков; в мае 1923 г. в квартире Коморских произошла встреча московских литераторов с приехавшим из Берлина А. Н. Толстым⁷.

Образ Патриарших прудов в русской литературе XIX в., рубежа XIX–XX вв., первой трети XX в.

Поскольку в действительности рядом с Патриаршими прудами располагались дома знати, влиятельных и богатых людей, то так это изображено и в литературе. Неслучайно Г. П. Данилевский в романе «Сожженная Москва» (1885) поселил свою главную героиню Аврору Крамарину у Патриарших прудов. Этот топоним 13 раз упоминается в романе⁸. Приведем отрывок из романа Г. П. Данилевского:

В богатом московском доме шестидесятилетней бригадирши, княгини Анны Аркадьевны Шелешпанской, у Патриарших прудов, был многолюдный съезд столичных и окрестных гостей⁹.

В романе Г. П. Данилевского Патриаршие пруды изображаются как место встречи для решительного объяснения (романтического свойства). Герой романа Данилевского Василий Перовский, офицер, в преддверии войны с Наполеоном призванный к армии и вынужденный покинуть невесту, мечтает о последнем свидании с ней:

...вызову ее как-нибудь, хоть на мгновение, на Патриаршие пруды... <...> Не удалось нам и наговориться... а столько хотелось бы высказать, передать...¹⁰.

Патриаршие пруды упоминаются в ряду милых сердцу каждого москвича мест. Рассказывая о горящей Москве, Г. П. Данилевский называет Покровку, Замоскворечье, Гостиный двор, Зубовскую площадь, Тверскую, Никитскую улицы, Арбат¹¹, но только сгоревший район Патриарших прудов он описывает подробно:

Мимо дымившихся и пылающих улиц Тропинин снова достиг Патриарших прудов и теперь их не узнал. Сколько он ни отыскивал глазами зеленой крыши и бельведера на доме княгини, он их не видел. Все окрестные деревянные и каменные дома сгорели или догорали. Улицы и переулки вокруг занесенных пеплом и головнями прудов представляли одну сплошную, покрытую дымом площадь, на которой, среди тлевших развалин, лишь кое-где еще торчали не упавшие печные трубы и другие части догоравших зданий¹²;
Двор был в развалинах, деревья обгорели¹³.

Этот соседский сад в районе Патриарших прудов упоминается не единожды¹⁴. Прятавшийся в саду, оголодавший Илья Тропинин

заметил в чьем-то недалеком огороде, у колодезя, яблоню, на которой виднелись полуистлевшие от соседнего пожара яблоки. Сорвав их несколько штук, он начал жадно их есть¹⁵.

А ранее старый слуга Карп «принес из пруда воды, дал ему умыться»¹⁶. Прошли десятилетия —

Перовскому как живая вспомнилась Аврора, Москва, дом и сад у Патриарших прудов и последняя встреча с невестой¹⁷.

Таким образом, у Данилевского район Патриарших прудов временами приобретает черты уничтоженного райского сада, в котором влюбленные Аврора и Василий не успели вкусить запретный плод. Сад сгорел, осталась одна яблоня, яблоки на ней полуистлели, они уже не символ соблазна, а знак спасения: Илья, который ел их, остался жив и вернулся к своей жене. Образ яблони в романе Данилевского схож с персонажем из русской народной сказки «Гуси-лебеди»: в сказке яблоня, как и речка (вода), и печь, спрятали детей от погони, спасла их¹⁸. Это позволяет нам говорить о мифологическом и фольклорном подтексте образа Патриарших прудов в романе Данилевского.

У Л. Н. Толстого в романе-эпопее «Война и мир» (1869) у Патриарших прудов живет вдова Баздеева. В то время, когда все бегут из Москвы и стараются увезти или спрятать все самое ценное, опасаясь оказаться под властью Наполеона, вдова Баздеева беспокоится о том, чтобы передать книги и рукописи покойного мужа Пьеру Безухову. Он приходит в этот дом и на какое-то время остается там жить — в окружении книг и масонских рукописей¹⁹. Так образ Патриарших прудов соединяется с темой культуры. Также отметим, что и у Данилевского, и у Толстого Патриаршие пруды — защищающее главных героев пространство.

Патриаршие пруды для героев книг этого периода — это и их вид из окна, место прогулок, в том числе больных и детей. Так, одного из героев романа М. А. Осоргина «Сивцев Вражек» (1928) Стольников, ставшего инвалидом на Первой мировой войне, на Патриаршие пруды часто вывозил на кресле его бывший денщик Григорий²⁰. Образ

Патриарших прудов присутствует в автобиографических эссе М. Цветаевой «Наталья Гончарова» (1929) и «Мой Пушкин» (1937).

Часто упоминается или описывается каток на Патриарших.

В книге А. Белого «Начало века» (1930), рассказывающей о первой половине 1900-х гг., мы встречаем такие московские топонимы, как «район Гнездниковского, между Тверской и Никитскою», «сквер у храма Спасителя», район Пречистинки: «Левшинский, Мертвый, Обухов, Гагаринский», Арбат, Мясницкая, Сивцев Вражек, Поварская, Собачья площадь, Новодевичий монастырь и др.²¹. Упоминаются и Патриаршие пруды:

...Подгорецкий и Постников, — те вырезывали на Патриарших прудах вензеля ледяные: коньками²².

В книге А. Белого Патриаршие пруды — одно из знаковых мест в столице и одновременно место, ассоциирующееся с музыкой и радостью, — каток.

В романе А. И. Куприна «Юнкера» (задуман в 1911 г., последняя глава опубликована в 1932 г.) тоже несколько раз упоминается каток на Патриарших прудах с его идеальным ледяным полем и музыкой²³.

Образ Патриарших прудов присутствует в стихотворении В. Катаева «Каток» (1923). В нем сливаются два мотива — скорость движения и охватившая лирического героя страсть. Кружение в танце и «огненное кольцо» чувства делают неважным реальное пространство: главное — быть вместе, нестись, не останавливаясь, все равно, где —

Над Чистыми и Патриаршими
Фаланги шарфов взяты в плен²⁴.

Патриаршие пруды как место любовных свиданий изображены в стихотворении «Философское» (1935) И. П. Уткина. Пафос стихотворения в том, что как вечна любовь, так вечны и парочки на скамейках у Патриарших прудов. Вероятно, И. П. Уткин отталкивался от реальности.

Неожиданный на этом фоне образ Патриарших прудов можно найти в повести П. Д. Боборыкина «Однокурсники» (1900). Герои повести — жених и невеста Иван Заплатин и Надежда Синицына, о которых говорится:

Сначала они мечтали поселиться в одном доме, там, на Патриарших прудах, куда он въехал. Там он жил и раньше²⁵.

Начало традиционно, и читатель может ожидать продолжения романтической линии в духе повествования Г. П. Данилевского. Но у Боборыкина дом у Патриарших прудов не имеет ничего общего с образом жилища интеллигентного человека, это едва ли не ночлежка:

Но номера оказались слишком запущенными. Он сам не выжил больше одного месяца²⁶.

Других упоминаний о Патриарших прудах в повести нет. Часто повторяются такие московские топонимы, как Моховая, Охотный Ряд, Тверская, Каретный Ряд, Красная площадь, Никитская, Остоженка, Воздвиженка и др. Образ Патриарших прудов здесь начисто лишен романтического флера.

Во всех рассмотренных выше произведениях упоминаний о Козьем болоте нам не встретилось, мистического колорита пока тоже нет.

По-новому изображает Патриаршие пруды В. Катаев в рассказе «Зимой» (1923). Здесь впервые образ Патриарших прудов прописывается достаточно подробно, делается многоплановым. Главная тема рассказа — тема любви. Две сопутствующие темы — творчества и основополагающих для человека ценностей.

На Патриарших (вначале они изображаются традиционно: зима, известный в Москве каток, место свиданий) столкнулись писатель и функционер от литературы, который не желает признать себя таковым. Его атрибуты — портфель, корректуры, синий карандаш и наличные деньги, которых нет у рассказчика, ведь он изображен как истинный художник. Вот только напор, с которым рассказчик занимает деньги, заставляет читателя насторожиться. На прощание поэт, только что получивший 20 рублей от издателя, говорит:

При случае лирические стихи о любви, о катке и о Елене. <...> Вам на юго-восток? До свидания. Мне на северо-запад²⁷.

Им в разные стороны, поскольку для одного главное — творчество, «любовь на всю жизнь» и идеалы революции, а для другого — теплое место в издательстве, материальная состоятельность и женщина как отвлечение от обыденности

(поэт уверен, что у женатого издателя на Патриарших назначено свидание).

В следующей части рассказа образ этого места приобретает новые черты:

Какой же дьявол завел меня на Патриаршие проклятые пруды в этот мертвый, ночной московский час? Поют вторые петухи. Прохожу мимо десятого дерева с краю, мимо единственной в мире колючей проволоки.

Эй, кто там стоит, прислонясь к грубому стволу? Никто не смеет стоять возле этого дерева. Это дерево — мое. Возле него она сказала мне: «Люблю». <...> Или это мой двойник? Он поворачивает ко мне лицо. Ба, да это издатель! Он очень грустен. Он шепчет:

— Медь не торжествует. Медь плачет о погибшей молодости. О, мои двадцать рублей! О, моя добродетельная жена и мои умные дети!

И слезы текут по его голубым щекам.

Он исчез. Он пропал без следа. Никого нет возле десятого дерева с краю²⁸.

Как видим, образ Патриарших прудов наполняется двумя смыслами: это место судьбоносного объяснения в любви (здесь Катаев продолжает литературную традицию) и мистическое, «проклятое» место, на которое может привести дьявол, где возможна встреча с двойником (трикстером) или галлюцинация. Время действия в данном эпизоде — ночь, и это также отличает рассказ от всех рассмотренных выше текстов. Есть основания говорить о следовании автора мифологической традиции (образ Патриарших прудов в рассказе коррелирует с образом Козьего болота, места обитания нечисти).

Мы решимся предположить, что М. Булгаков в романе «Мастер и Маргарита» вступает в диалог с В. Катаевым. «Какой же дьявол завел меня на Патриаршие проклятые пруды <...>?» — этот вопрос могли бы задать себе и Берлиоз с Бездомным.

Образ Патриарших прудов в романе М. Булгакова «Мастер и Маргарита»

Действие романа Булгакова начинается на Патриарших прудах «в час жаркого весеннего заката»²⁹. Это ново. Изображается жара, а не привычный лед катка.

На Патриаршие приходят Михаил Александрович Берлиоз, редактор толстого художественного журнала, председатель правления Массолита, и пролетарский поэт Иван Бездомный. Они приходят туда не на прогулку и не на любовные свидания (то есть Булгаков не следует литературной традиции), а выпить пива в жаркий день и обсудить в тени на скамейке свои дела. Доминантными образами при описании Патриарших прудов являются: «чуть зеленеющие липы», «пестро раскрашенная будочка с надписью “Пиво и воды”», пустынные аллеи, пустые скамейки³⁰. Эти образы отсутствуют в рассмотренных нами ранее произведениях.

Важно и то, что у Булгакова иностранство, сам воздух Патриарших прудов напоены мистикой: небывалая жара, безлюдье, неожиданно напавшая икота, тупая игла, засевшая в сердце Берлиоза, необоснованный страх, который его охватил, видение, которое его посетило, составленный гороскоп и др., — все это знаки, подаваемые Воландом и его свитой³¹. Именно на Патриарших Берлиоз доказывает Бездомному, что Иисус никогда не существовал. И тогда «в аллее показался первый человек»³² — «иностранец», Воланд. Обратим внимание на такую ремарку Булгакова:

...иностранец окинул взглядом высокие дома, квадратом окаймлявшие пруд, причем заметно стало, что видит это место он впервые и что оно его заинтересовало³³.

Так писатель сразу обращает внимание читателя на то, что его герой — не местный обитатель, не из Козьего болота (как, например, поминаемый дьявол из рассказа Катаева). Можно предположить, что Булгаков сознательно берет какие-то детали у Катаева и почти до неузнаваемости меняет их, усложняя и раскрашивая. Этим он словно показывает, чем «неплохой» писатель³⁴ отличается от писателя талантливого.

Булгаков фокусирует внимание читателей на том, что Патриаршие пруды окаймлены домами³⁵. Но свойства этих домов совершенно иные, нежели в ранее рассмотренных сочинениях: Воланд

испуганно обвел глазами дома, как бы опасаясь в каждом окне увидеть по атеисту³⁶.

Пространство Патриарших прудов у Булгакова насыщено знаковыми деталями: в небе, «предчувствуя вечернюю

прохладу, бесшумно чертили черные птицы»; вечером, когда Воланд закончил свой рассказ, «вода в пруде почернела»³⁷.

И Берлиоз, и Бездомный остались глухи к истине. Даже после рассказа об Иешуа Берлиоз неотступно думает о телефоне-автомате, по которому необходимо донести на «иностранца». Заключительными доминантными образами при описании Патриарших прудов являются: скамейка, с которой поднимается Коровьев; образ границы — турникет, на который Коровьев указывает Берлиозу; постное масло, разлитое Аннушкой, и трамвай, под который попадает Берлиоз.

Заметим, что пространство Патриарших прудов для героев безопасно, это место постижения истины или отказа от нее, место выбора. Отбросив вечное и устремившись к сиюминутному (доносам, погоням за «шпионами», «диверсантами» и пр.), Берлиоз и Бездомный оказываются без охраны места и теряют жизнь или статус.

Второй раз Патриаршие пруды изображаются в конце романа, в эпилоге. Здесь актуализируются образы «весеннего праздничного полнолуния», вечера, лип, скамейки, на которой сидели когда-то Берлиоз, Бездомный и Воланд, луны, «в начале вечера белой, а затем золотой, с темным коньком-драконом», турникета³⁸.

Итак, в своем романе Булгаков многократно усиливает мистичность места, на которую лишь намекает герой рассказа Катаева. При этом мистика Булгакова, на наш взгляд, не связана с мистикой Козьего болота. Патриаршие пруды словно оберегают тех, кто находится возле них. Здесь Булгаков продолжает литературную традицию. Отъединенным от людей и военного времени чувствует себя в доме на Патриарших Пьер Безухов; некоторые героини романа Данилевского в горячей, полной врагов Москве прячутся на Патриарших и даже находят пропитание. Охраняли Патриаршие пруды и булгаковских Берлиоза с Бездомным: их погубил собственный выбор.

Автор романа «Мастер и Маргарита» приводит на Патриаршие пруды литераторов для профессиональной беседы, продолжая этим традицию Л. Н. Толстого и В. Катаева. При этом у Булгакова образ Патриарших прудов не связан с темой любви: ни разу не встречаются там мастер и Маргарита, ни он, ни она не живут у Патриарших (хотя в биографии Булгакова эпизод с любовным свиданием на Патриарших прудах и с мистически обставленным рассказом о задуманном романе имел место³⁹).

Образ Патриарших прудов в русской литературе XX в. (послебулгаковский период)

В этот период мы заметили несколько тенденций в трактовке образа Патриарших прудов.

Первая — следование литературной традиции XIX — начала XX вв.

Патриаршие пруды — место, без которого невозможна Москва так же, как она немислима без Сухаревки, Пречистенки, Якиманки, Арбата, Тверской и т. д. Именно в таком ключе упоминаются Патриаршие пруды в книге воспоминаний Дон-Аминадо «Поезд на третьем пути» (1954):

А музыки московских сочетаний на западный бемоль не пере-
ложишь. <...>

Санкт-Петербург пошел от Невского Проспекта, от циркуля,
от шахматной доски.

Москва возникла на холмах: не строилась по плану, а лепи-
лась.

Питер — в длину, а она — в ширину. <...>

Только вслушайся — на век запомнишь!

— Покровка. Сретенка. Пречистенка. Божедомка. Петровка.
Дмитровка. Кисловка. Якиманка. <...>

— Большой Козихинский. Малый Козихинский. Никитские
Ворота. Патриаршие Пруды. Кудринская, Страстная, Красная
площадь.

Не география, а симфония!⁴⁰.

В таком же ключе упоминаются Патриаршие пруды в вышеупомянутой мемуарной книге А. Белого «Начало века» (1930). Эти два произведения роднит ностальгическая интонация, ведь в них описывается старая, прежняя Москва (во всяком случае, улицы и пруды теперь носили другие названия, проспекты и площади были «одеты» в транспаранты и другую наглядную агитацию, которую мог видеть А. Белый и мог представить себе Дон-Аминадо).

Иногда Патриаршие пруды изображаются как место встречи, изменившей жизнь человека или людей. Так, главная героиня рассказа В. В. Вересаева «Euthymia» (1943) Люся, тяжело больная, обреченная на раннюю смерть, но не растерявшая «раднодушия», «в слякотный осенний день» «шла через Патриаршие пруды и увидела на скамеечке маленькую

женщину с трясущейся головой». Эта женщина, Анна Павловна, недавно потеряла единственную дочь восемнадцати лет, отчаяние поглотило ее, но Люся сумела вернуть ее к жизни, поселив у себя⁴¹. Патриаршие пруды выполнили здесь свою охранительную функцию, как и в произведениях Л. Н. Толстого, Г. П. Данилевского. Булгаковская традиция в рассказе отсутствует. Несмотря на дружеские отношения между В. Вересаевым и М. Булгаковым, первому не был известен роман «Мастер и Маргарита» (во всяком случае, никаких свидетельств об этом нам не встретилось, хотя в письме В. В. Вересаеву от 2 августа 1933 г. М. Булгаков о своем романе говорит:

Уже в Ленинграде и теперь здесь, задыхаясь в моих комнатах, я стал мазать страницу за страницей наново тот свой уничтоженный три года назад роман. Зачем? Не знаю. Я тещу себя сам! Пусть упадет в Лету!⁴²).

В ряде текстов, написанных уже после публикации «Мастера и Маргариты», образ Патриарших рисуется вне связи с романом Булгакова и в ориентации на реальность и литературную традицию XIX и рубежа XIX–XX вв. Так, Н. Берберова в книге «Железная женщина» (1981) пишет о приехавшем в Россию в начале 1910-х гг. Локкарте:

Очень скоро он обзавелся друзьями, влюбился в молодую русскую женщину, стал играть летом в теннис и зимой кататься на коньках на Патриарших прудах⁴³.

В повести Е. Марковой «Тайная вечеря» (1981), в «просторном особняке около Патриарших прудов» в 1900-е — начале 1910-х гг. жила дворянка Ариадна Сергеевна Вок, человек благородный и сердечный, «толстовка» по убеждениям. Потом она продаст этот прекрасный дом и уедет из Москвы, чтобы помочь вдовому брату, генералу, воспитывать девочку-приемыша, которую оба станут воспринимать как внучку⁴⁴. И здесь Патриаршие пруды — место жизни знатных, богатых, культурных людей.

Поддерживается указанная традиция и в песне «Патриаршие пруды» А. Суханова. Доминантные образы и темы здесь — старинный дом на углу Малой Бронной, тема театра, тема свидания, тема влюбленности⁴⁵.

Вторая тенденция в трактовке образа Патриарших прудов состоит в ориентации авторов одновременно на литературную традицию XIX — начала XX вв. и на булгаковский роман.

Выразителен образ Патриарших прудов в романе «Немец» Н. Садур (1996), где сливаются добулгаковское и булгаковское в интерпретации темы: лед и жар, декабрь и май. Ориентация на Булгакова прослеживается в романе Н. Садур отчетливо. Героиня неотступно думает о своем возлюбленном (то ли немце, то ли демоне), она предчувствует «предгрозовый майский гром»⁴⁶ (ср. образ грома в «Мастере и Маргарите»). Образ немца и образ мужчины на Патриарших отсылают к образу Воланда. Местом, где смешение времен, статики и динамики, жизни и смерти героиня ощутила особенно остро и отчетливо, стали Патриаршие пруды⁴⁷.

Третья тенденция — игра автора с читателем, когда для автора и многих читателей Патриаршие пруды очевидно булгаковские, а для героя книги на первый взгляд нет (потом оказывается иначе).

В романе А. Геласимова «Год обмана» (2003) Патриаршие упоминаются только один раз, в разговоре главных героев. Приведем отрывок из него:

- А Крылов умер от обжорства.
- Какой Крылов? — я немного постарелся. Был у меня один знакомый Крылов.
- Который басни писал. Иван Андреевич.
- Это который на Патриарших?
- Да...⁴⁸.

Писатель здесь прибегает к интересному приему описания и характеристики героя: сначала читателю может показаться, что герой не знает литературы (фамилия Крылов не вызывает у него литературных ассоциаций) и абсолютно равнодушен к Булгакову, ведь для него Патриаршие пруды ассоциируются с памятником Крылову, а не с романом «Мастер и Маргарита». Но потом становится понятно, что если герой сразу вспоминает памятник Крылову на Патриарших, значит, бывал он там не раз. И, возможно, привел героя туда именно интерес к роману «Мастер и Маргарита». Сделать это предположение позволяет наличие других

отсылка к роману Булгакова. Таким образом, упоминание здесь Патриарших прудов — это не только деталь в характеристике героя, но и игра с читателем (другие ее компоненты: решение темы смерти в разговоре героев, образ скамейки в Александровском саду как образ-перевертыш и др.). Кажущийся отказ от булгаковской традиции оборачивается ее актуализацией.

Четвертая тенденция — влияние на произведение «булгаковского мифа».

С образом Патриарших прудов связан один из аспектов «булгаковского мифа»: отражение читательского отношения к описанному в романе как к чему-то действительно случившемуся и могущему повториться с каждым, хотя бы в каких-то своих проявлениях. Это вера в новое явление Воланда или Коровьева и встречу с ними; вера во встречу со своим мастером (Маргаритой) или даже восприятие себя кем-то из героев. Важное место в этом компоненте «булгаковского мифа» занимают сказания о культовых местах и «чудесах», там произошедших (Патриаршие пруды, квартира, где жил Булгаков, и т. д.)⁴⁹. Эта составляющая «булгаковского мифа» была отражена в надписях на лестнице, ведущей к квартире № 50⁵⁰.

К «булгаковскому мифу» часто обращаются в рок-текстах, в авторской и эстрадной песне, а также в произведениях сепаратуры. Об освоении романа массовой культурой еще в 1993 г. говорил Ю. М. Смирнов⁵¹.

Примером функционирования этого аспекта «булгаковского мифа» может служить стихотворение «Патриаршие пруды» *Вадима Константинова 2* (было выложено на литературном портале «Стихи.ру»):

Элементы чертовщины!..
Что влекут нас беспричинно...
Словно бы, им придан некий
Магнетический заряд?!.
И, похоже, души наши
На Прудах, на Патриарших
Подсознательно увидеть
Свиту Воланда хотят?!.⁵²

Согласно «булгаковскому мифу», на Патриарших прудах могут сойтись все измерения романа «Мастер и Маргарита»,

там возможны чудеса (например, появление в современной Москве кота Бегемота или других героев Булгакова). Примерами отражения «булгаковского мифа» в литературных текстах могут служить: строки песни А. Розенбаума «Покажите мне Москву...»:

Бродит кот на Патриарших прудах,
А на Хитровке Гиляровского жду...⁵³ —

(здесь присутствует один из центральных мотивов «булгаковского мифа»: все еще может повториться, а булгаковские герои могут появиться среди нас); строки песни «Кот Бегемот» группы «Лотос»:

...С ним давно на ты
Патриаршие пруды...⁵⁴;

текст песни «Аннушка» из «Булгаковского цикла» Е. Асмус:

Аннушка, ах, не ходи к Патриаршим,
Не разбивай, дай пожить хоть чутка...⁵⁵ —

(в контексте этого стихотворения Патриаршие пруды, где Аннушка разлила подсолнечное масло, — граница между бытием и небытием); стихотворение В. Егорова «Патриаршие пруды», полностью посвященное этому культурному явлению⁵⁶, и др.

«Булгаковский миф» выстроен достаточно четко: он опирается на текст романа «Мастер и Маргарита» и биографию самого писателя. Одно из немногих исключений — связь в мифе мотива «вера во встречу со своим мастером (Маргаритой)» с образом Патриарших прудов (у Булгакова мастер и Маргарита никак с Патриаршими не связаны). Как только роман Булгакова был прочитан, на Патриаршие пруды потянулись поклонники романа, в том числе девушки, мечтающие о такой любви, как у мастера и Маргариты, только обязательно со счастливым концом, а также влюбленные пары. Так жизнь скорректировала роман, вмешалась в создание «булгаковского мифа».

Патриаршие пруды как свидетели былого счастья, ушедшей любви изображены, например, в стихотворении Е. Исаевой «Не надо любовью забытых и старых...»⁵⁷.

Пятая тенденция — демонстративный отказ от булгаковской традиции и / или десакрализация «булгаковского мифа» со стороны автора произведения или литературного героя (или констатация автором этого факта).

Оглушительный успех романа «Мастер и Маргарита» в 1960-е гг. вызвал у многих советских писателей раздражение (или непонимание). И это проявилось в их произведениях, особенно мемуарного характера.

Начиная с 80-х гг. XX в., наряду с функционированием «булгаковского мифа» уже можно наблюдать и его десакрализацию. Миф перестает быть мифом, когда писатель делается «модным» (его становится «принято» читать, его образ и образы героев тиражируются и / или выпрямляются) и / или официальным (например, попадает в вузовскую и школьную программы). Часто в результате перехода в статус «модных» произведение начинает восприниматься как факт «массовой культуры» и этим отталкивать от себя.

К. Ваншенкин в мемуарной книге «Писательский клуб» (1998) так характеризует своего друга — поэта Е. Винокурова:

В его стихах с самого начала присутствовала собственная интонация. Это как голос, с этим надо родиться. Выработанный годами вкус. Он был образован, начитан, но тоже со своим винокуровским упрямством. Не читал, например, «Мастера и Маргариту». На мой вопрос — почему? — ответил: — Ну вот я такой. Все читали, а я нет...⁵⁸.

Е. Винокуров умер в январе 1993 г. На его жизнь пришлось все три волны «булгаковского бума», связанные со знаковыми публикациями романа «Мастер и Маргарита» (1966–1967 гг., журнал «Москва»; 1973 г., издательство «Художественная литература», тираж 30 000 экземпляров; годы перестройки, когда роман выходил в разных издательствах огромными тиражами и наконец стал доступен всем желающим). Тем не менее, если верить книге К. Ваншенкина, Е. Винокуров роман не прочитал. Слова о вкусе и собственной интонации Е. Винокурова выдают и позицию автора (К. Ваншенкина), который, как следует из текста книги «Писательский клуб», роман Булгакова читал, но говорить о нем не хочет. Легкая обида человека, окончившего Литературный институт, сквозит в таких строках:

Литературный институт, как и сейчас, помещался на Тверском бульваре, в знаменитом Доме Герцена. В двадцатые годы здесь был писательский клуб с рестораном, столь блистательно описанным Михаилом Булгаковым в «Мастере и Маргарите». Памятника в садике при нас еще не было, и за многослойным новейшим шумом многие почти забыли, что сто тридцать шесть лет назад (считая от нашего поступления) в грозный для России год здесь родился Александр Иванович Герцен⁵⁹.

«Многослойный новейший шум» — это и о булгаковском романе, и о «булгаковском мифе». Потому совершенно естественна такая фраза Ваншенкина о Е. Винокурове: «Ездил на каток на Патриаршие пруды (по-московски — на «Патрики»)»⁶⁰. Как мы понимаем, по-московски может быть по-разному. Наименование «Патрики» делает очевидным отсутствие в этой фразе любой литературной традиции (тем более булгаковской). Патриаршие пруды здесь — просто объективная реальность.

Десакрализации «булгаковского мифа» способствуют и позиция некоторых читателей, уловивших в романе «Мастер и Маргарита» лишь поверхностный его слой, не понявших сути, но осмелившихся примерять на себя образы героев или отдельные мотивы.

В рассказе «Косточка авокадо» (1995) Г. Щербакова изображает людей, на которых роман Булгакова оказал огромное влияние, в определенном смысле обозначил их жизнь и судьбу. Герои погружены в «булгаковский миф», но их поведение — это дискредитация «булгаковского мифа», пародия на него, что приводит к десакрализации. В рассказе возникает образ поруганных Патриарших прудов⁶¹.

Шестая тенденция в интерпретации образа Патриарших прудов — в одновременном следовании авторов литературной традиции XIX — первой трети XX вв., ориентации на роман М. Булгакова «Мастер и Маргарита» и актуализации в произведении «булгаковского мифа».

Патриаршие пруды в повести Г. Щербаковой «Утконос, или Моление о Еве» (2001) — это и место, где происходит судьбоносная встреча, и место прогулки больного человека (ср.: «Сивцев Вражек» М. А. Осоргина, эссе М. Цветаевой, «Euthymia» В. В. Вересаева).

Но определеннее всего в повести просматривается булгаковская традиция — влияние текста романа и «булгаковского мифа».

У трех подруг — героинь повести — отношение к Патриаршим прудам разное. Прочитируем слова Раисы:

Мы сидим на скамеечке у Патриарших, смотрим на черную воду. Нигде нет такой черной воды, как здесь. Место плохое, «со значением»...⁶².

«Черная вода» пруда — отсылка к роману «Мастер и Маргарита». Раиса верит в магию романа и боится ее. Потому Патриаршие пруды и их обитатели — утки — для нее враждебны.

Для Ольги это «свое» пространство. Она любит роман и верит в «булгаковский миф», но без фанатизма (следовательно, и не извращает миф). Именно она говорит слова, которые достаточно точно передают концепцию романа:

— Они — единая сила, Бог и сатана <...>. Они оба — создатели. И сволочь не получит от Бога благословения, а хорошему Мес-сир зла не сотворит. Они контролируют друг друга. Боженька солнцем восходит, чертушка его закатывает. Любить надо Бога, а его визави надо уважать за баланс⁶³.

Саша осторожно произносит: «Я бы с сатаной в такие игры не играла»⁶⁴. А совсем недавно о ней было сказано:

Саша у нас про Булгакова знает все. И она показывает, где была лавочка Берлиоза и где бегал трамвайчик. Она вскочила с места и чертит нам прутиком на земле маршрут трамвая и поскользывается на чьей-то сопле. Не больно, не страшно, но присела на попу прилично, задержавшись за железную лапу лавки. Мы смеемся⁶⁵.

Здесь пародийно обыгрывается ситуация с Берлиозом, поскользнувшимся на постном масле. Тот тоже был всезнающим. В сцене проявляются и влияние романа «Мастер и Маргарита», и «булгаковского мифа».

Еще одна героиня повести — Полина Нащокина — оказалась на Патриарших случайно: у нее никогда не было «пиетета ни перед Булгаковым, ни тем более перед его фанатиками, расписывающими стены его дома», и она характеризует себя:

Я по природе своей не мистик, и всякое такое, что нельзя пощупать рукой или увидеть собственными глазами, мне просто неинтересно. Не приемлю всю гоголевскую чертовщину, булгаковскую, а уж от зарубежного мистицизма меня просто с души воротит⁶⁶.

Однако именно с ней после посещения Патриарших прудов случается настоящее чудо — она избавляется от ненависти к людям. Человек, отрицающий «булгаковский миф», испытывает на себе его влияние.

Таким образом, Г. Щербакова в этой повести изображает Патриаршие пруды как место, где и в наше время сохраняется энергия Воланда, который в романе М. Булгакова многим преподал урок. В повести Г. Щербаковой урок получают Саша (шуточный) и Полина Нащокина. Патриаршие пруды — место, где особенно уместны размышления о добре и зле, Боге и «чертушке»⁶⁷.

Седьмая тенденция — изображение Патриарших прудов как места, где трансформируются пространство и время, где реальность и греза сливаются, где реальность истончается, предметы и существа призрачны, торжествует полуявь-полусон. Булгаковская традиция в этих сочинениях присутствует завуалировано, о ней можно говорить предположительно.

В романе В. Аксенова «Новый сладостный стиль» (1996) Патриаршие пруды упоминаются дважды в одной сцене. Главный герой Александр Корбах почувствовал одиночество и отвращение среди перекрасившихся коммунистов, демократов и «гэбистов» на очередной «гала-тусовке» (открытии клуба). Ему было грустно смотреть на постаревших шестидесятников и больно было увидеть свою любимую (ее зовут Нора), с которой по воле судьбы не встречался более четырех лет, в сопровождении молодого прохвоста, впрочем, он и сам оказался в этот момент не один. Разговора между ним и возлюбленной не получилось. Корбах пытается убежать от этих чужих людей, погрузиться в свои воспоминания, мысли о Норе. Он уходит на Патриаршие пруды. Но побыть одному не удастся: девушка, «прикомандированная» на этом вечере к Александру Корбаху, «увязалась за ним». Затем Корбах и девушка оказываются в доме, выходящем окнами на Патриаршие:

Из окна был виден пруд и аллеи в весенних предрассветных сумерках. По сырой земле меж стволов плелся большой, с проплешинами, уссурийский тигр. Зевал, словно отставной маршал Советского Союза.

— А это еще что такое? — еще раз удивился АЯ. — Может, вы мне объясните как иностранцу?

Девушка уже засыпала и зевала, но совсем не так, как олитературенный нами тигр, а как некое новое существо, длиннейшая лапа.

— Да ведь это же тигр, Александр Яковлевич, неужели не узнаете? Тут ведь зоопарк неподалеку, ах-ах⁶⁸.

Хотя Московский зоопарк действительно расположен неподалеку, все же по аллеям Патриарших прудов тигр гулять не может. Это полусон-полюявь, греза, которая возникла на Патриарших. У В. Катаева («Зимой») ночные Патриаршские пруды родили мираж — образ издателя, который стоит у памятного герою дерева. В «Мастере и Маргарите» М. Булгакова на Патриарших перед глазами Берлиоза из воздуха «соткался прозрачный гражданин престранного вида»⁶⁹. Тема сна, столь актуальная в приведенной цитате из романа В. Аксенова (зевал тигр, девушка «уже засыпала и зевала», «ах-ах»), переключается с темой сна в одном из эпизодов «Мастера и Маргариты». Когда Воланд, сидя на Патриарших прудах, закончил свое повествование и обратился к Бездомному, Ивану показалось, что он спал, видел сон и только сейчас проснулся⁷⁰. Неслучайно, по нашему мнению, видение на Патриарших в романе Аксенова появляется именно в «весенних предрассветных сумерках». «Предрассветные сумерки» — точная формула: это сумерки, которые уже содержат в себе рассвет, ночь, рождающая свет, хаос, рождающий космос или бога всего сущего. Это время, когда сон и явь, мрак и свет меняются местами, одно перетекает в другое. В сущности, это то, о чем рассказывают античные мифы⁷¹, то, о чем писал Булгаков в «Мастере и Маргарите», о чем говорил Воланд Левию Матвею, о чем, возможно, пошутил в свое время «темно-фиолетовый рыцарь»⁷². Также можно предположить, что не случайно именно тигр гуляет по аллеям Патриарших прудов. Во-первых, тигр может быть некой проекцией кота Бегемота. Во-вторых, вспоминается занимательный рассказ Бегемота в духе барона Мюнхаузена, сочиненный котом в ночь бала. Приведем цитату:

— Никакой прелести в нем (бале — М. К.) нет и размаха также, а эти дурацкие медведи, а также и тигры в баре своим ревом едва не довели меня до мигрени, — сказал Воланд. <...>

— Я пошутил, — со смирением сказал кот, — а что касается тигров, то я их велю зажарить.

— Тигров нельзя есть, — сказала Гелла.

— Вы полагаете? Тогда прошу послушать, — отозвался кот и, жмурясь от удовольствия, рассказал о том, как однажды он скитался в течение девятнадцати дней в пустыне и единственно, чем питался, это мясом убитого им тигра. Все с интересом прослушали это занимательное повествование, а когда Бегемот кончил его, все хором воскликнули:

— Вранье!⁷³.

Полагаем на основании вышеизложенного, что булгаковская традиция в романе В. Аксенова присутствует, хотя завуалированно. Отношение к Патриаршим прудам как к таинственному месту, где границы между реальным и нереальным стираются, возможно, обусловлено «булгаковским мифом».

Можно предположить, что на стыке традиций мифологической, литературной XIX в., романа «Мастер и Маргарита» и «булгаковского мифа» выстроено и стихотворение Е. Евтушенко «Патриаршие пруды» (1957). Стихотворение пронизано темой воспоминания о любви к женщине, живущей у Патриарших, и темой загадки этого места:

Туманны Патриаршие пруды,
Мир их теней загадочен и ломок...⁷⁴.

Впрочем, доказательств, что Евтушенко в 1957 г. знал роман Булгакова или историю о встрече писателя с Еленой Сергеевной Шиловой ночью на Патриарших⁷⁵, у нас нет.

Подведем итоги

В литературе последней трети XIX — начала XXI вв. образ Патриарших прудов представляет собой единство, надежное, говоря словами А. А. Фаустова об универсалиях,

достаточной стабильностью и вместе с тем энергией изменчивости и варьирования и по-разному — в неодинаковом объеме и в неодинаковых проекциях — воплощающиеся в различных авторских реальностях и в конкретных текстах⁷⁶.

Неизменными остались следующие составляющие этого образа: 1) место свидания влюбленных; 2) место прогулок и бесед; 3) милое сердцу москвичей место; 4) место, оберегающее тех, кто сюда пришел; 5) каток. Эти мотивы могли варьироваться.

При этом и «энергия изменчивости» присутствует. В. Катаев изобразил Патриаршие пруды мистическим местом. Писатель актуализировал мифологическую традицию (Патриаршие пруды — Козье болото). Но, по нашему мнению, такое восприятие писателем Патриарших прудов не было замечено широким кругом читателей или писательским сообществом. За одним исключением — этот рассказ не мог пройти мимо внимания М. Булгакова, который был прототипом одного из героев рассказа Катаева. Булгаков принял вызов.

То, что было у предшественников деталью, у Булгакова делается сюжетообразующим, приобретает подтекст и контекст. Мимолетный разговор на Патриарших двух литераторов у Катаева превращается в романе «Мастер и Маргарита» в центральный вопрос о бытовании и взаимодействии света и тени, Иешуа и Воланда. И Воланд — не жилец Козьего болота, в отличие от черта из рассказа Катаева. Булгаков не связывает образ Патриарших прудов с темой любви и свиданий: ни разу не встречаются там мастер и Маргарита, ни он, ни она не живут у Патриарших.

Булгаковские Патриаршие пруды — место, где люди делают мировоззренческий выбор, определяющий их судьбу.

В «добулгаковский» период образ Патриарших прудов еще мог быть просто реалистической деталью, как, например, у П. Боборыкина. После того как роман «Мастер и Маргарита» стал известен, образ Патриарших прудов стал знаковым. При обращении к этому образу писатели последней трети XX — начала XXI вв. осознанно или неосознанно вступают в диалог с Булгаковым (обращение к литературной традиции XIX в., минуя булгаковскую, — это тоже диалог).

В современной литературе Патриаршие пруды чаще всего изображаются в контексте «булгаковского мифа» (актуализованного или десакрализованного). Для авторов, работающих в рамках булгаковской традиции, важна мистичность места, характерна ориентация на булгаковские знаковые образы (невидимое присутствие Воланда и видимое — кота Бегемота, пустыньность места, лавочка, турникет, Аннушка с подсолнечным маслом, темная вода и пр.). Реже булгаковская традиция полностью отбрасывается, идет ориентация

на традицию XIX в. Так поступают, например, авторы, которые не видят в романе Булгакова ничего особенного, считают его явлением массовой культуры, или писатели, которые не хотят повторять уже открытое Булгаковым (боятся скатиться до подражания).

Интересны и случаи синтеза булгаковской традиции и более ранней, как это происходит, например, в романе Н. Садур «Немец».

Примечания

- 1 Русский демонологический словарь / авт.-сост. Т. А. Новичкова. СПб.: Петербург. писатель, 1995. С. 59.
- 2 *Лескис Г., Атарова К.* Путеводитель по роману Михаила Булгакова «Мастер и Маргарита». М.: Радуга, 2007. С. 314–315.
- 3 *Крол А.* Патриаршие пруды. История // prime-realty.ru/cmi/raionu/pv4d.htm (дата обращения: 27.11.2014)
- 4 Там же.
- 5 Там же.
- 6 *Варламов А.* Михаил Булгаков. М.: Молодая гвардия, 2008. С. 189–191, 299–300.
- 7 *Крол А.* Указ. соч.
- 8 *Данилевский Г. П.* Сожженная Москва; Княжна Тараканова. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1986. С. 8, 30, 38, 86 (2), 87, 123 (2), 160, 220, 221, 227, 233.
- 9 Там же. С. 8.
- 10 Там же. С. 38.
- 11 Там же. С. 96, 100, 112, 122.
- 12 Там же. С. 123.
- 13 Там же. С. 124.
- 14 Там же. С. 124, 125, 127.
- 15 Там же. С. 127.
- 16 Там же. С. 124.
- 17 Там же. С. 233.
- 18 Народные русские сказки А. Н. Афанасьева. В 3 т. М.: Гос. изд-во худож. лит., 1957. Т. 1. С. 185–186.
- 19 *Толстой Л. Н.* Война и мир // Собр. соч. В 22 т. М.: Худож. лит., 1978–1985. Т. 6. С. 334.
- 20 *Осоргин М. А.* Времена: Автобиографическое повествование. Романы. М.: Современник, 1989. С. 407.

- 21 *Белый А.* Начало века. М.: Худож. лит., 1990. С. 94, 107, 109, 121, 139–140.
- 22 Там же. С. 118.
- 23 *Куприн А. И.* Юнкера // Собр. соч. В 5 т. М.: Правда, 1982. Т. 5. С. 230, 232–233, 237, 240–241.
- 24 *Катаев В. П.* Собрание сочинений. В 9 т. М.: Худож. лит., 1968–1972. Т. 9. С. 600.
- 25 *Боборыкин П. Д.* Однокурсники // az.lib.ru/b/boborykin_p_d/text_0040.shtml (дата обращения: 27.11.2014)
- 26 Там же.
- 27 *Катаев В. П.* Зимой // Собр. соч. В 9 т. Т. 1 // everytell.com/read28416_0.html (дата обращения: 27.11.2014)
- 28 Там же.
- 29 *Булгаков М. А.* Мастер и Маргарита // Собр. соч. В 5 т. М.: Худож. лит., 1992. Т. 5. С. 7.
- 30 Там же. С. 7–8.
- 31 См., например: *Белобровцева И. З., Кульюс С. К.* Роман М. Булгакова «Мастер и Маргарита»: Комментарий. Таллин: Арго, 2006. С. 124, 133, 139–140, 152–153 и др.
- 32 *Булгаков М. А.* Указ. соч. С. 10.
- 33 Там же. С. 11.
- 34 *Катаев В. П.* Зимой.
- 35 *Булгаков М. А.* Указ. соч. С. 11.
- 36 Там же. С. 13.
- 37 Там же. С. 17, 43.
- 38 Там же. С. 381.
- 39 *Лакшин В.* Вторая встреча: Воспоминания и портреты. М.: Сов. писатель, 1984. С. 360–361.
- 40 *Дон-Аминадо.* Поезд на третьем пути // royallib.com/book/donaminado/poezd_na_tretem_puti.html (дата обращения: 27.11.2014)
- 41 *Вересаев В. В.* Euthymia // Собр. соч. В 4 т. М.: Правда, 1985. Т. 4. С. 294–295.
- 42 *Булгаков М. А.* Письма // Собр. соч. В 5 т. М.: Худож. лит., 1992. Т. 5. С. 491.
- 43 *Берберова Н.* Железная женщина. М.: Кн. палата, 1991. С. 31.
- 44 *Маркова Е.* Тайная вечеря // royallib.com/book/markova_ekaterina/taunaya_vechera.html (дата обращения: 27.11.2014)
- 45 *Суханов А.* Патриаршие пруды // musicgu.ru/aleksandr_suhanov/patriarshie_prudi.html (дата обращения: 7.09.2016)
- 46 *Садур Н.* Немец // *Садур Н.* Иголка любви: проза. М.: Вагриус, 2007. С. 202.
- 47 *Капрусова М. Н.* Образ Патриарших прудов в современной русской прозе: некоторые замечания // Русская литература в ино-

язычном культурном пространстве: монолог, диалог, полилог. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2016. С. 160–162.

48 *Геласимов А.* Год обмана // strogino.com/MCL/Lib/Year.htm (дата обращения: 10.07.2016)

49 *Капрусова М. Н.* «Булгаковский миф»: вариант определения и описания // Русская литература XX–XXI вв.: проблемы теории и методологии изучения: Материалы Второй Междунар. науч. конф. 16–17 ноября 2006 года. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2006. С. 116–120.

50 *Чудакова М. О.* Нехорошая лестница. М.: Гос. музей М. А. Булгакова, 2009. С. 15, 19.

51 *Смирнов Ю. М.* Театр и театральное пространство в романе М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» // Михаил Булгаков: «Этот мир мой...»: Сб. статей. Т. 1. СПб., 1993. С. 140.

52 *Вадим Константинов 2.* Патриаршие пруды // stihi.ru/2011/04/03/1858 (дата обращения: 27.08.2011)

53 *Розенбаум А.* Покажите мне Москву // shansonprofi.ru/person/rozenbaum/lyrics/rozenbaum_pokazhite_mne_moskvu.html (дата обращения: 27.08.2016)

54 *Фрадкина И.* Кот Бегемот // ficd.ru/songtext-print-3639.html (дата обращения: 27.08.2016)

55 *Асмус Е.* Аннушка. Булгаковский цикл // bards.ru/archives/part.php?id=33665 (дата обращения: 27.08.2016)

56 *Капрусова М. Н.* «Булгаковский миф» в современной русской «звучащей» и сетевой поэзии // Michail Bulhakov, jego czasy i my = Михаил Булгаков, его время и мы. Коллективная монография под ред. Гжегожа Пшебинды и Януша Свежего. Краков: Изд-во Scriptum, 2012. С. 586–588.

57 *Капрусова М. Н.* Образ ландышей в романе М. Булгакова «Мастер и Маргарита» как отражение и отражающее // Поэтика художественного текста: Материалы IV Междунар. заоч. науч. конф. Борисоглебск: ООО «Кристина и К», 2015. С. 133–134.

58 *Ваншенкин К.* Писательский клуб // royallib.com/book/vanshenkin_konstantin/pisatelskiy_klub.html (дата обращения: 27.11.2014)

59 Там же.

60 Там же.

61 *Капрусова М. Н.* Один из вариантов отношения к «Булгаковскому мифу» в современной литературе: юмор, ирония, самоирония, сатира // Юмор и сатира в координатах XXI в.: сб. науч. статей по материалам I Междунар. науч.-практ. конф. 1 апреля 2015 г. (Варна, Болгария) / Хумор и сатира в координатах XXI в.: сборник научных статей по материалам от I Международной научно-практической конференции на 1 апрель 2015 г. (град Варна, Република България). Варна: Център за научни изследвания и информация «Парадигма», 2015. С. 40–44.

- 62 *Щербачова Г.* Уткомесь, или Моление о Еве // royallib.com/book/shcherbakova_galina/utkomest.html (дата обращения: 27.11.2014)
- 63 Там же.
- 64 Там же.
- 65 Там же.
- 66 Там же.
- 67 *Капрусова М. Н.* Образ Патриарших прудов в современной русской прозе: некоторые замечания... С. 158–160.
- 68 *Аксенов В.* Новый сладостный стиль // book-online.com.ua/read.php?book=7543&page=227 (дата обращения: 27.08.2016)
- 69 *Булгаков М. А.* Мастер и Маргарита...
- 70 Там же. С. 43–44.
- 71 *Грейвс Р.* Мифы Древней Греции. М.: Прогресс, 1992. С. 18, 20–21.
- 72 *Булгаков М. А.* Мастер и Маргарита. С. 349–350, 368.
- 73 Там же. С. 269.
- 74 *Евтушенко Е.* Патриаршие пруды // Евтушенко Е. Мое самое-самое. М.: ХГС, 1995 // guprom.ru/evtushenko/all.aspx#tumanny-patriarshie-prudy (дата обращения: 27.11.2014)
- 75 Дневник Елены Булгаковой. М., 1990. С. 326–327.
- 76 *Фаустов А. А.* Литературные универсалии: на пути к терминологической демаркации // Универсалии русской литературы: Сб. статей. Воронеж: ВГУ, 2009. С. 24.